

Дмитрий Емец

Пришельцы из холодильника

«Емец Д. А.»

2003

Емец Д. А.

Пришельцы из холодильника / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2003

«И зачем только мы высадились на астероид?..» – сокрушенно размышлял юный космонавт Митрофан. Обнаруженный его семьей корабль инопланетян пролежал на астероиде много миллионов лет. Но это не помешало туманникам – грозным и загадочным космическим пришельцам – захватить звездолет «Кашалот». Роботы Репка и Коробок отключены, а родители Митрофана не могут помочь своим детям. Теперь Митрофану, его брату Пельменю и сестре Дискетке не остается ничего другого, как самим сразиться с коварными пришельцами. Ведь настоящие повелители галактик не боятся ничего на свете...

© Емец Д. А., 2003

© Емец Д. А., 2003

Содержание

От автора	6
Глава I	7
1	7
2	8
3	10
4	12
5	14
Глава II	17
1	18
2	20
3	24
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Емец

Пришельцы из холодильника

От автора

Я знаю, уважаемый читатель, что тебе сложно будет мне поверить, но все, что ты прочитаешь в этой повести, – чистейшая правда. От себя я не прибавил ни слова, за исключением, конечно, запятых и точек, потому что все написанное здесь было услышано мной по сверхчувствительному приемнику, изобретенному одним моим приятелем...

Впрочем, расскажу обо всем по порядку, а там уж сам решай, верить или нет.

У меня есть приятель Константин Гаврюшин, который любит собирать радиоприемники. Он конструирует приемники разных размеров – от крошечных, помещающихся в спичечном коробке, до огромных, которые озорства ради монтирует в холодильниках или ведрах. Представьте себе ужас людей, когда мусорное ведро говорит им: «Московское время восемнадцать часов!»

И вот 27 марта, в день моего рождения, Костя пришел ко мне в гости, съел и выпил все, что было на столе, и в утешение подарил мне автомобильный приемник.

– Поверь, друг, это самый отличный приемник в мире! Видишь этот блок, соединенный с антенной? Это сверхчувствительный антенный усилитель. Он усиливает самые слабые радиосигналы и делает твой приемник в сотни раз более совершенным, чем любое другое радио в Солнечной системе... – с гордостью сказал Костя.

Так, если верить Косте, я стал обладателем самого лучшего приемника в Солнечной системе. Первое время мне не очень-то верилось, что мой приемник «самый-самый», потому что с виду он был довольно неказистым, хотя и хорошо принимал все основные радиостанции. Вдобавок корпус у этого приемника был взят от самого обычного утюга, в котором для настройки на волну нужно было крутить температурное колесико.

Но вот как-то зимой я застрял в ужасной пробке и, решив скоротать время, стал крутить настройку приемника, ища что-нибудь интересное. Внезапно из динамика послышались странный высокий звук, щелчки, а потом я различил звонкий мальчишеский голос, повторявший: «Привет всем, кто меня слышит! Настройте импульсники на восприимчивость 106,2 микрона и поверните лазероусилители на центр Млечного Пути между созвездиями Стрельца и Орла. Идет передача из 2455 года!»

Вначале я решил, что попал на какую-то фантастическую радиопостановку, но, послушав некоторое время, схватил первую попавшуюся кассету, вставил ее в чудом оказавшийся у меня диктофон и нажал кнопку записи. Что-то подсказало мне, что нельзя упустить ни слова из того, что я сейчас услышу. И интуиция меня не обманула. То, что я услышал, было действительно невероятно, и от этого меня кидало то в жар, то в холод.

Приемник работал подряд больше десяти часов, и когда все закончилось, на сиденье рядом со мной лежало десять записанных магнитофонных кассет...

А вот то, что я записал.

Глава I

НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ

*Хорошо смеется тот, кому действительно весело.
Житейское наблюдение*

1

«Привет всем, кто меня слышит! Настройте импульсники на восприимчивость 106,2 микрона и поверните лазероусилители на центр Млечного Пути между созвездиями Стрельца и Орла. Идет передача из 2455 года!

Меня зовут Дмитрий, но, разумеется, в устной речи имя это давно исказилось, и все наши называют меня просто Митрофаном. Я родился на космическом корабле, а мои родители – космонавты-исследователи дальних галактик. Только что я вставил в порт компьютера микрофонный разъем, напрямую соединив компьютер с лазеростанцией, и теперь все, что я говорю, будет транслироваться в космос на всех радио– и лазероволнах.

Я надеюсь, что какие-нибудь из этих волн докатятся и до Земли, хотя из-за искажений гиперпространства в нашем секторе Галактики их можно будет услышать лишь в глубоком прошлом – то есть около четырехсот-пятисот лет назад – и то если примитивные земные приемники того времени позволят их принять.

Внимание, земляне! Запомните сами и передайте остальным: нашей планете грозит огромная опасность от космических агрессоров, с которыми наш звездолет столкнулся в центре Млечного Пути. Их цивилизация во много раз превосходит нашу по мощи вооружений, агрессивности и коварству, а их космические корабли стремительнее и маневреннее. Им ничего не стоит захватить Землю и все освоенные человечеством планеты.

Но лучше я не буду забегать вперед, а подробно опишу все события последних недель, начав задолго до нападения пришельцев...

2

1 февраля 2455 года

Наш звездолет почему-то называется «Кашалот», хотя, на мой взгляд, очертания его корпуса с сужающимся носом и тремя похожими на плавники дальними радарными делают его скорее похожим на акулу. «Кашалот» провел в полете уже восемнадцать лет и, если бы все пошло по плану, должен был провести еще четыре года, прежде чем мы добрались бы до созвездия Щит – конечной цели нашего путешествия.

Вторая по величине звезда созвездия обозначается на картах Бета, или bScutum, но с легкой руки, или, точнее, с легкого языка моей мамы, мы все называем ее Веником. По яркости свечения, размерам и характеру излучений Веник похож на Солнце, и существует вероятность того, что хотя бы одна из восьми его планет может подойти для жизни человека.

На «Кашалоте» нас пятеро: мама, папа, мой старший брат Пельмень, младшая сестра Дискетка и я – Митрофан.

Разумеется, Пельмень и Дискетка – это прозвища, выдуманные мамой, настоящие имена моих брата и сестры Максим и Маша, но я уже так привык, что они Пельмень и Дискетка, что у меня просто в голове не укладывается, что их можно называть как-нибудь по-другому, и когда недавно мама случайно назвала брата Максимом, я долго думал, к кому это она обращается.

Кроме нас, на звездолете еще есть два робота – Репка и Коробок, но о них я расскажу особо.

У мамы с папой тоже есть свои прозвища. Мама была бы не мамой, если бы их не выдумала.

Папино прозвище – Морж. Он получил его по двум причинам: во-первых, из-за висячих, как у моржа, усов, которые, как он считает, очень ему идут; а во-вторых, из-за своей медлительности и обстоятельности, переходящей в занудливость.

Самый элементарный вопрос, например: «Ты не помнишь, какая гайка на пневмоприводе гиперускорителя, маленькая или большая?» – способен заставить папу задуматься чуть ли не на десять минут, после чего он начинает пространно рассуждать о гайках вообще, начиная с истории их изобретения и заканчивая философской ролью гайки в системе мироздания. Прислушав эту лекцию примерно в течение часа, вы внезапно понимаете, что о конкретной гайке на пневмоприводе Морж ухитрился не заикнуться ни разу.

Любимое занятие папы – играть в четырехмерные шахматы с Леликом. Лелик – наш бортовой компьютер, наделенный искусственным интеллектом. Папа и Лелик ухитряются играть одновременно по двадцать партий, и часть из них выигрывает папа, а часть – Лелик.

Мамино прозвище – Яичница – является единственным прозвищем, которое придумала не она сама. Сами понимаете, кому охота давать прозвища самим себе, другим – пожалуйста, но вот себе...

По какому случаю мама стала Яичницей, никто толком не помнит, может быть, из-за того, что яичница – ее фирменное утреннее блюдо, во всяком случае, было им до тех пор, пока у нас не забарахлил синтезатор продуктов. Мама вечно озабочена наведением порядка на «Кашалоте» и всякими хозяйственными вопросами.

Целыми днями она бегаёт по звездолету то с пылесосом, то со сковородкой и жалуется, что ничего не успевает. Порой она берется проверять наши уроки, горячится, называет нас оболтусами, но при этом вскоре обнаруживается, что и сама мама уже все забыла и путается в формулах и интегралах точно так же, как и мы. «Ну и что! – кричит мама, когда мы ей об этом говорим. – Вы сперва выучитесь, получите два высших образования, как я, а потом можете все забывать!»

Мне – двенадцать лет, Дискетке – пять, а Пельменю – четырнадцать. У Пельменя сейчас так называемый переходный возраст, который проявляется в том, что он тайком выдавливает прыщи и всем грубит. Про этот «переходный возраст» я вычитал в какой-то умной книжке и теперь дразню Пельменя не иначе, как «переходняк». Ну и злится же он, скажу я вам!

Дискетка, проказливая маленькая девчонка, любимица всей семьи. Так уж случилось, что половины букв она не выговаривает. В результате речь ее пестрит «лыбами», «лозами», «леками» и «плочими» перлами. Но «лыба» и «лека» – это еще ерунда. Больше всего мы веселимся, когда, ругаясь с нами – а ругаться и вообще выяснять отношения она обожает, – Дискетка говорит «дуляк!». Попробуй догадайся, что это «дурак!».

Кроме «р», она не выговаривает еще «ж», произнося вместо «ж» – «з». Это выходит еще забавнее. «Узе», «заль», «залуюсь» – то и дело проскакивают у нее в речи, а однажды мы хохотали часа три, когда Дискетка вместо «Я же не жужжу!» произнесла «Я зе не зуззу!».

Мы с Пельменем постоянно ссоримся, и хотя я младше, но стараюсь не оставаться в долгу. Яичницу это огорчает, и она часто говорит, что не знает, у кого хуже характер: у меня или у Пельменя. Я лично считаю, что у Пельменя, хотя он уверен, что у меня. Впрочем, иногда я даже с ним соглашаюсь, потому что приятно и в этом превосходить брата.

Наш «Кашалот» относится к классу малых исследовательских звездолетов. Он размером с двухэтажный дом, имеет внутреннюю площадь в четыреста квадратных метров и весит около пяти с половиной тонн. По вместимости «Кашалот» рассчитан на восемь членов экипажа, так что наша семья еще вполне может слегка увеличиться. Я лично не против: ужасно интересно, какие у меня еще будут братья и сестры.

Внутри звездолета располагаются моторный отсек, склад оборудования, кают-компания, родительская каюта, детская, наш с братом отсек, ремонтная мастерская и столовая. Уф, едва все перечислил!

В ремонтной мастерской роботы Репка и Коробок каждый день подзаряжают свои аккумуляторы. Должно быть, это ужасно скучно: сидеть по полчаса в день со штепселем в боку и ждать, пока зарядное устройство не начнет мигать зеленым, сигнализируя, что подзарядка закончена и штепсель можно вытаскивать. На самом деле, конечно, слово «штепсель» я употребил не совсем кстати, потому что куда больше это похоже на увеличенный процессорный разъем – «папу».

Я только что сказал, что подзаряжаться скучно, но мне пришло в голову, что поглощать пищу так, как это делаем мы, люди, – тоже занятие весьма нудное, так что в этом смысле нам тоже не везет.

Репка и Коробок не простые роботы, они точно так же, как и Лелик, наделены искусственным человеческим интеллектом: Репка – женским, а Коробок – мужским. За долгие годы мы с Пельменем так к ним привыкли, что воспринимаем Репку с Коробком не иначе как бабушку с дедушкой, а они относятся к нам как к внукам...

3

Утро 1 февраля 2455 года началось с того, что мы с Пельменем крупно поссорились и даже подрались. Ссора вышла из-за того, что этот свинья Пельмень поймал моего робота-кролика Лопоуха, отвинтил у него лапы и установил на их место ноги механической лягушки из конструктора.

Установочные гнезда делаются универсальными, и, разумеется, они совпали, и когда утром я проснулся, то первым, кого я увидел, был мой кролик, ковылявший на зеленых лягушачьих лапках с ластами. Передние лягушачьи лапы были слишком короткими для него, и он подметал пол синтетическим мехом, а задние, напротив, были снабжены такими сильными пружинами, что при любой попытке сделать скачок Лопоух кувыркался через голову, а потом долго лежал на спине и барахтался, пытаясь встать на ноги. Бедное животное не понимало, что с ним происходит, и жалобно повизгивало, пребывая в полном шоке.

Пельмень стоял рядом и, подталкивая ногой моего кролика, громко ржал. Выводить меня из себя было любимым занятием Пельменя, и он занимался этим все время, за исключением тех редких минут, когда спал, ел или выдавливал прыщи.

Сделав вид, что я не совсем еще проснулся, я незаметно протянул руку к своей гипно-подушке, которая, пока я спал, незаметно пичкала мою память сведениями по элементарной механике и астрономии, и неожиданно огрел брата подушкой по башке. Удар вышел отменным, я и сейчас им горжусь. Пельмень с глупейшим лицом, на котором было написано самое искреннее удивление, растянулся во весь рост.

Разумеется, он тотчас вскочил и, схватив свою гипноподушку, бросился на меня, и мы принялись дубасить друг друга со всей силы. Прекратили мы драться только тогда, когда в нашу каюту прикатил на грохочущих гусеницах дедушка Коробок.

Он подхватил нас с Пельменем поперек туловища и, с легкостью оторвав от пола, закинул себе на плечи. Мы почувствовали себя точно две лисицы, провалившиеся в медвежью берлогу. Если бы вы увидели Коробка хоть раз в жизни, то поняли бы, что сопротивляться бесполезно: Коробок принадлежит по выпуску к самой первой гусеничной партии роботов-исследователей, предназначенных для работы на неосвоенных планетах, и каждая из его пневматических ручищ по силе превосходит ковш бульдозера. Одним словом, я хочу сказать, что, прежде чем бороться с Коробком, вы вначале подеритесь с двумя бульдозерами, и, если одолеете их, тогда у вас еще есть шанс... Эдак один к ста...

Наш добрый ржавый старикан был порядком возмущен и тряс нас, словно котят.

– Кто первый начал? – грозно спросил он, ставя нас на пол и мрачно оглядывая повреждения, которые мы нанесли друг другу.

Пельмень, вытирая с носа кровь, молча ткнул пальцем в мою грудь.

– Неужели ты первый начал, Митрофан? Даже не верится! Разве нельзя договориться по-хорошему? Вы же братья! – возмутился старик.

– Ага, братья! – фыркнул я. – Интересно, как я буду с ним договариваться? Может, мне стоило сказать: «Ай-ай-ай, как тебе не стыдно, Пельмешек! Ведь ты же мой родной братик! Зачем ты дразнишь меня и откручиваешь лапки у моего кролика? Это ведь нехорошо! Давай лучше вместо этого возьмемся под ручки и пойдем гулять по коридору, нюхая цветочки в горшках и обсуждая проблемы высшей математики!»

Коробок внимательно посмотрел на меня своими зрительными объективами, и я почувствовал, что старик меня понял, и мне стало приятно, потому что всегда приятно, когда чувствуешь, что кто-то из взрослых, кого ты уважаешь, тебя понимает.

– Вообще-то ты прав, Митрофан. Не все можно объяснить словами, – сказал Коробок. – Иногда более действенными бывают другие методы. Как-то на Земле, когда «Кашалот» еще

только строился, к Репке пристали два ангарных робота. Здоровенные такие были ребята – вдвоем сгружали семитонные контейнеры. Я стал убеждать их извиниться. Они заупрямились. Я стал говорить, что с дамами так не обращаются: они стали хохотать и грубить.

– И как, в результате они извинились? – нетерпеливо спросил я.

Коробок взглянул на свои бульдозерные ручищи.

– Извинились, но не сразу. Мне пришлось их слегка поугovarивать. После этого оба отправились на ремонт, впрочем, мне тоже пришлось подремонтироваться... Вот тогда-то я и понял, что порой слова полезно подкрепить чем-то более действенным.

Коробок задумался, изучающе осмотрел нас и сказал:

– Ладно, что уж с вами делать – подрались так подрались. Поехали в медотсек, надо привести вас в порядок, пока никто не увидел, на кого вы похожи.

Коробок был родственной нам душой. Он понимал нас с братом куда лучше, чем мама с папой, и никогда не ворчал, как Репка. Мы с Коробком отправились в медпункт, и там старик остановил нам кровь из разбитых носов и припудрил ссадины. Делал он это очень споро и привычно, что неудивительно, ведь мы с Пельменем дрались раза по два в неделю.

После медпункта Пельмень решительно отправился в мастерскую, взял там банку с флуоресцирующей краской, кисть и отправился в нашу каюту. Я молча шел за ним, не понимая, что он хочет. Оказавшись в нашем отсеке, Пельмень окунул кисть в банку и, не глядя на меня, сказал:

– Митрофан, давай делить каюту!

– Спятил? Как мы ее будем делить? – поинтересовался я.

– Элементарно. Проведем по полу черту. Это будет граница. Она считается неприкосновенной. Тебе запрещается переходить на мою территорию, мне – на твою. Не хочу иметь с тобой ничего общего.

– Отлично! – согласился я. – Давай делить! Но запомни: нарушение границы будет служить поводом к войне!

Пельмень кивнул и, наклонившись, быстро провел по полу толстую светящуюся черту. Разделив отсек, мы не удержались и разделили также стены и потолок. Признаюсь, это было сделано уже по моему требованию, потому что я подумал, что если делить, то делить все, чтобы была полная ясность.

В погоне за полной ясностью я поздно спохватился. Черта несмываемой краски была уже проведена, и я обнаружил, что в результате раздела коварный брат отхватил себе лучшую часть комнаты – ту, где стоял наш с ним общий компьютер с кучей игровых программ и спортивные тренажеры, имитирующие катание на горных лыжах и «охоту на мамонтов». Мне только и досталось, что иллюзограф со всеми земными картинами да две полки с видеокристаллическими книгами.

– И учти, – предупредил Пельмень, – если ты что-нибудь уронишь и оно закатится за черту, эта вещь становится моей собственностью! Не проси потом вернуть!

– Договорились, но и ты учти: если ты сам заступишь, даже случайно, то станешь моим рабом! – сказал я, желая досадить ему.

К тому времени я уже заметил, что, стараясь отхватить себе «охоту на мамонтов», Пельмень пожадничал и почти не оставил себе входного люка. Теперь, чтобы войти в отсек или выйти из него, ему пришлось бы выделять самые сложные акробатические номера, прижимаясь спиной к косяку и стараясь сохранить равновесие на узкой десятисантиметровой полосе. Причем я, разумеется, всякий раз собирался стоять рядом и внимательно следить, чтобы не было заступа.

4

Внезапно включился динамик внутренней связи, и мы услышали обеспокоенный голос Яичницы:

– Мальчики, вы где? Уже десять минут одиннадцатого. Вы опаздываете на завтрак!

Мой брат направился было к выходу, но я, свистнув, привлек его внимание:

– Стоп, Пельмень! Раз динамик находится на моей половине, значит, и звук тоже мой, и ты не имеешь права его слышать.

Пельмень гоготнул. Если бы вы только слышали, как противно он это делает – словно набрал кучу гаек и дребезжит ими в стакане.

– А кто тебе сказал, что я что-то слышал? Может, я сам вспомнил, что пора завтракать? – заявил он и, неуклюже протиснувшись, вышел в коридор.

Все наши были уже в столовой. Папа Морж сидел за столом и наворачивал жареную картошку. При этом он еще ухитрялся переругиваться с Леликом, называя его то «тупицей», то «махинатором». Повздорили они из-за того, что компьютер обыграл Моржа в шахматы, и теперь обиженный Морж утверждал, что компьютер смухлевал и вернул на доску сбитого ферзя. Мама, как всегда, ела мало. Она следила за своей фигурой.

Бабушка Репка была тут же. Она озабоченно заглядывала во все кастрюли и спрашивала:

– Вы не помните, куда я сунула свои шейные подшипники? Мало ли что могло взбрести мне в голову?

– Репка, разве можно быть такой рассеянной? Зачем ты их вообще снимала? – забеспокоилась Яичница.

– Видишь ли, мне хотелось их проверить, а то у меня шея стала скрипеть! Вначале я очистила свои слуховые спирали, потом вспомнила, что нужно смазать маслом коленные суставы и подкрутить к сердечнику два стабилизатора. За всем этим я так завозилась, что забыла, куда сунула подшипники, – объясняла Репка, рассеянно шаря в выдвижном ящичке у себя в груди.

Старенькая Репка – наш робот-нянька. Ее взяли с Земли именно на случай, если появятся дети, а мы, как вы видите, появились, и Репке не пришлось ржаветь в бездействии. Мои самые ранние воспоминания, как и, наверное, воспоминания Пельменя, связаны с ней, с тем, как она качает нас на своих железных руках, кормит кашей и не разрешает баловаться. Правда, сейчас мы с Пельменем уже выросли, и если у Репки и получается теперь кого-нибудь нянчить, так только нашу сестру Дискетку, давно ставшую ее любимицей.

Все мы – и я, и Пельмень, и Дискетка – так привыкли к Репке и сроднились с ней, что зовем ее просто «ба» и не представляем, что когда-то могли существовать дети (это мы знаем из древней истории), которые росли без роботов-нянек. Впрочем, вероятно, в те допотопные времена роботов-нянек заменяли так называемые «родные бабушки».

Внезапно люк отсека открылся, и в отсек влетела моя младшая сестра Дискетка. Я поднял на нее глаза и едва усидел на стуле. Должно быть, мама осталась без косметики, потому что весь запас ее пудры и помады красовался теперь на лице моей сестренки. Что же касается помады, то в данном случае Дискетка не ограничилась одними губами и измазала ею все пространство до носа, включая и сам нос.

– Ты же красишься, вот и я лешила! – сказала Дискетка, с видом королевы усаживаясь за стол.

– Ты с ума сошла! – охнула мама.

Впрочем, спорить с Дискеткой и заставлять ее смывать косметику она не стала, зная, что та немедленно разрыдается, а потом будет дуться три дня.

Из всей нашей семьи Дискетка обладает самым независимым характером. Трудно даже сказать, в кого она такая уродилась. С ней не соскучишься. Каждый день от нее надо ждать

очередной шалости, причем проказы никогда не повторяются, что свидетельствует о редкой изобретательности сестры.

Один раз она напустила полный звездолет жуков из конструктора, дав им задание прятаться и собирать себе подобных, и эти жуки объели на «Кашалоте» все пластмассовые детали. В другой раз, обидевшись на меня за что-то, она обмазала мое кресло суперклеем (на сиденье до сих пор остались обрывки моих штанов).

Но самую крутую штуку она отколола, когда пробралась ночью в навигаторскую, стала рассказывать главному компьютеру страшилки и так его заболтала, что испуганный Лелик спрашивал потом у папы Моржа, правда ли, что у нас на звездолете обитают красная рука и гроб на колесиках и почему они в таком случае не включены в список членов экипажа?

Завтрак продолжался. Ближе к его концу Репка внезапно вспомнила, что забыла выключить атомную печку, и, всплеснув руками, поспешно укатила из отсека. При этом она ужасно лязгала, и из нее сыпались микросхемы.

Я тоже хотел умчаться по своим делам, но Морж попросил всех остаться.

– Разговор будет серьезный! – сообщил он. – Мы должны подумать, как нам поступить с Репкой, если мы не хотим ее потерять.

5

Морж вкратце обрисовал ситуацию, которую мы и так хорошо себе представляли. Если Коробок еще хорошо держался, то корпус Репки отслужил свое и теперь разваливался на глазах. Почти каждый день у Репки то подпрыгивало давление в пневматических мышцах, то начинали скрипеть коленные суставы, то барахлила система питания, то происходила расфокусировка объективов, и она видела только то, что происходило у нее перед самым носом. К сожалению, все запасные детали на ее модель были давно израсходованы, и Морж с Коробком порой целые дни проводили в мастерской, подыскивая что-нибудь подходящее для замены.

– Я... я знаю... Самое позднее через несколько дней Репка окончательно сломается. Ее сердечник уже почти вышел из строя и держится только чудом, – в голосе у мамы слышались слезы.

– А нельзя ее подлатать? Ну, там, поставить куда-нибудь заплатку или выточить новые шестерни? – легкомысленно спросил Пельмень.

Морж укоризненно уставился на него. Я ожидал, что отец по своей привычке три часа будет собираться с мыслями, но ошибся: видимо, он уже все обдумал заранее.

– Это тебе, Пельмень, надо поставить заплатку! И знаешь куда? На рот! – раздраженно сказал Морж. – Выточить шестерни – это еще полбеды. А как быть с нейтронным усилителем или с пневматикой? А атомный сердечник? Ты его тоже выточишь?

Мы все погрузились в тягостное раздумье. Положение было тупиковым. Если атомный сердечник у Репки откажет, то сотрется вся электронная память, а для робота это означает то же самое, что смерть для человека.

Рванув с места так стремительно, что пробуксовали гусеницы, Коробок выехал на середину отсека и повернулся к нам. Его голос вибрировал и менял частоты, что у роботов передает крайнюю степень волнения.

– Выход есть! Спасти Репку можно, – сказал он.

– Как? – одновременно спросили Морж с Яичницей.

– Этого я вам пока не скажу. Мне лично этот способ совершенно не нравится. Я соглашусь пойти на него только в самом крайнем случае, – сказал Коробок.

Он включил правую гусеницу и, круто развернувшись, метнулся к люку. Не успей Лелик в последнюю секунду открыть створки, Коробок снес бы люк с пазов. Нам ничего не нужно было объяснять. Коробок прожил с Репкой бок о бок тридцать лет, был влюблен в нее и трогательно ухаживал за ней, хотя это не мешало роботам порой ворчать и обижаться друг на друга.

К сожалению, самый крайний случай, о котором говорил Коробок, наступил скорее, чем мы предполагали. На другой день утром, погнавшись за Дискеткой, которая не хотела идти завтракать (этой пятилетней дурынде взбрело в голову сесть на диету манекенщиц), Репка зацепилась гусеницей за порог. Ее старый корпус не выдержал столкновения и рассыпался на сотни мелких деталей. Не растерявшись, Яичница подхватила Репкин электронный процессор и подключила его через запасной выход к сети.

– Спокойно! Без паники! – крикнула мама дрожащим голосом, в котором-то эта паника как раз и звучала. – Где Коробок? Лелик, срочно вызови его!

– Сделано. Он уже мчится сюда! На горе стояли зайцы и выкидывали пальцы! – сообщил главный компьютер.

– Какие пальцы? Что ты несешь? – удивился папа Морж. Он всякий раз забывал, что это любимая присказка Лелика, которую компьютер, думая разрядить обстановку, произносит всегда некстати.

Коробок ворвался в отсек со стремительностью атакующего танка. Там, где затормозили его гусеницы, в покрытии пола остались две глубокие борозды. Ему понадобилось не больше двух секунд, чтобы понять, что валявшиеся на полу обломки уже никогда не собрать воедино.

– Срочно в мастерскую! Процессор Репки нужно пересадить в новый корпус! – сказал он отрывисто.

– Но у нас нет корпусов этой модели! – удивился Морж.

– Неважно, подойдет любой. Используем корпус Атланта! – сказал Коробок.

Он схватил процессор Репки и быстро покатил к мастерской. Нам же понадобилась чуть ли не минута, чтобы прийти в себя от эмоционального шока. Представить нашу хрупкую няньку в корпусе Атланта – для этого у нас попросту не хватало воображения.

Атлант – огромный боевой робот, предназначенный для обороны экипажа «Кашалота» при возникновении каких-либо непредвиденных обстоятельств, – хранился в закрытом контейнере в углу мастерской. Мы с Пельменем и тем более Дискетка никогда его не видели, потому что электронный процессор Атланта оказался бракованным и перегорел почти сразу после взлета с Земли.

Когда мы наконец оправились от удивления и примчались в мастерскую, Коробок уже распаковал контейнер и заканчивал снимать с Атланта пропитанную консервирующей смазкой бумагу.

Мы увидели, что корпус боевого робота висит на блоках, слегка раскачиваясь, словно подвешенный на ржавых цепях Кощей. Прошедшие восемнадцать лет никак не отразились на Атланте: он был как новенький. Его черная лазеротражающая броня матово поблескивала. К поясу у него были пристегнуты патронташи с молекулярными гранатами, а в середине груди виднелся небольшой закрытый люк, откуда, как я сразу догадался, при необходимости выдвигалось дуло мощного бластера. Еще по пять бластеров меньшей мощности было на каждой его руке вместо пальцев.

– Эх, жаль, я не робот! Я бы сам переселился в это тело! – восхищенно воскликнул я.

Мое услужливое воображение уже нарисовало картину, как, поблескивая броней, я захожу в наш отсек и спрашиваю у коротышки Пельменя: «Ты не помнишь, какая козявка тут недавно провела границу и оттяпала себе компьютер?»

Но Коробок никак не отреагировал на мое замечание и даже не повернулся в нашу сторону. Казалось, он нас вообще не видит и не слышит. Он открыл щиток в затылке у Атланта и теперь бережно, чуть подрагивающими от напряжения руками размещал в его мозговом отделении процессор Репки.

Помню, я удивился, как мощные бульдозерные ручищи Коробка справляются с такой тонкой работой. Несмотря на то что боевой робот был чуть ли не в два раза крупнее прежнего корпуса Репки, процессоры у них оказались одного размера. «Космический стандарт!» – пробормотал Морж. Тщательно закрепив процессор на новом месте, Коробок присоединил к нему несколько управляющих кабелей.

– Ну сто зе вы, сто зе? – взволнованно прошептала Дискетка.

От беспокойства за бабушку она перестала выговаривать еще и «ч», хотя раньше отлично с ним справлялась.

Еще раз проверив, правильно ли все подключено, Коробок опустил затылочный щиток и закрутил его на три контрольных винта.

После этого он отъехал назад на метр и с таким же ожиданием, как и все мы, стал смотреть на Атланта. Тот по-прежнему неподвижно висел на своих блоках, и его зрительные объективы были выключены.

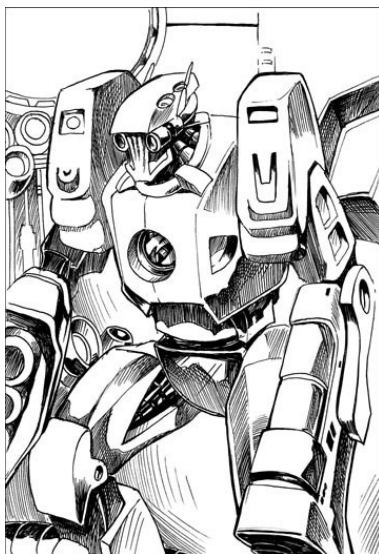
– Почему он не включается? Может, энергия на нуле? – с беспокойством спросила Яичница.

– Нет, энергии достаточно, я проверял. Наверное, он еще не активизировался, – покачал головой Коробок.

Он подъехал к Атланту и потряс его за плечо. В то же мгновение в зрительных объективах боевого робота зажглись красные точки. Робот поднял тяжелую голову и пророкотал низким голосом:

– Что вы на меня все уставились? Уж и подремать нельзя!

Мы продолжали молча смотреть. Нам сложно было поверить, что этот огромный бронированный робот, этот ходячий военный арсенал, занимавший своими плечищами третью часть мастерской, и есть наша хрупкая, ворчливая, вечно полязгивающая нянька Репка.

Вероятно, в этот момент Репка и сама заметила в себе нечто необычное. Она подняла громадную пневматическую руку и пораженно уставилась на нее.

– Что это за отбойный молоток ты мне привинтил? – недовольно спросила она у Коробка. Прежде чем ответить, Коробок немного помолчал, а потом, глядя в сторону, сказал:

– Привыкай, старушка. Твой старый корпус рассыпался, и мы пересадили твой процессор в Атланта. Другого выхода не было.

Надо отдать Репке должное, она удивилась куда меньше, чем мы ожидали.

– Ну вот, допрыгалась! – пророкотала она. – У меня всегда было ощущение, что со мной должно произойти нечто подобное – своего рода переселение душ. Ну, ничего, зато теперь я чувствую себя помолодевшей лет на сто, да и мои воспитанники будут меня слушаться!

– Делзы калман шиле! – не очень уверенно сказала Дискетка.

– Нет, голубчики, будете! А ну марш делать уроки, кому говорю! – вдруг рявкнула Репка.

Вероятно, она даже не хотела рявкать, но ее новому звуковому динамiku были свойственны командирские интонации. Щитки на ее плечах отщелкнулись, и выдвинулись короткие дула двух энергометателей, а секундой позже к ним присоединился и тяжелый четырехствольный бластер, спрятанный в груди.

– К-конечно, конечно, бабуля! Только не г-горячись! Мы как раз собирались сесть за уроки! – заикаясь, ответил за всех Пельмень.

Мы попятились, а потом уныло поплелись по коридору, а вслед нам несли басистый хохот Репки. Робот-нянька начинала уже привыкать к своему новому телу и новым возможностям.

Глава II

ЛЕДЯНАЯ ПЛАНЕТА

Лень думать самому – изобрети себе думалку.
Митрофан

3 февраля 2455 года

1

С утра я сидел за столом, уныло смотрел на накопившуюся кучу файлов с домашним заданием, которые выводил на монитор упрямый Лелик, и от скуки переругивался с думалкой, предлагавшей перебраться в картишки... Хм, раз я уж упомянул думалку, придется о ней рассказать.

Мое главное увлечение – конструирование. Не так давно я выпросил у Лелика один из его неисправных процессоров и, разобрав его на схемы, попытался соорудить из них электронную думалку, которая делала бы вместо меня домашние задания. Я воображал, как она будет щелкать математические примеры и переписывать упражнения по русскому, а когда кто-нибудь постучит в наш отсек, будет вопить моим голосом, записанным на лазерную дорожку: «Не входите! Мешаете заниматься!»

Я провозился с думалкой недели две, но работа, честно говоря, продвигалась с трудом. С корпусом думалки проблем не было: он представлял собой небольшой прямоугольный ящик с единственным оптическим элементом – глазом и единственной тонкой длинной рукой, которую я открутил от старого игрового автомата.

Припаяв последний контакт, я присоединил думалку через дополнительный порт к компьютеру и велел ей самопрограммироваться. Десять дней я выжидал, воображая, как думалка умнеет не по дням, а по часам, но когда включил ее, меня ожидало разочарование.

За десять дней напряженной учебы думалка только и сумела, что мастерски обучиться ругаться, а на мой вопрос: «Сколько будет пять плюс два?» – ответила: «Восемь!» Когда же я поправил ее, думалка разозлилась и сказала: «Врешь, собака! Мне лучше знать!» Обруганный собственной думалкой, я вышел из себя и пригрозил немедленно разобрать ее на части. «Ну чего ты пристал? Отдохнуть мне, бедной, не даешь, долбаешь меня дурацкими вопросами из высшей математики!» – плаксиво ответил мне механизм.

Поняв, что я соорудил уже вполне сложившуюся хроническую идиотку, от которой ничего толкового не добьешься, я оставил ее в покое и только выучил играть в подкидного дурака. Как оказалось, сделал я это на свою голову. Обучая ее играть в карты, я надеялся выигрывать, но в картах думалка так преуспела, что из ста сыгранных нами партий выиграла девятью восьмью. Я уже решил, что моя думалка – гений карточной игры, но потом обнаружил, что она ловко ворует карты из отбоя.

Переругиваясь с думалкой, я искоса поглядывал на Пельменя и получал искреннее удовольствие, наблюдая, как он мучается. Минут пять назад братец уронил на пол микродиск с игровыми программами, и тот откатился на мою половину отсека. Теперь Пельмень переминался с ноги на ногу у черты, размышляя, как ему достать диск, не нарушив при этом границы. Наконец он сделал из проволоки щуп с изгибом на конце и этим щупом осторожно придвигал к себе диск. Но когда диск был уже в десяти сантиметрах от черты, я встал и, схватив его со щупа, помахал им у брата перед носом.

– Стоп, Пельмень! Забыл правило? Что ко мне упало, то для тебя пропало!

Теперь мы с Пельменем были в расчете за то, что весь вчерашний день он держал меня в напряжении, подкарауливая у черты моего кролика и угрожая, что разберет его на части, если Лопух пересечет границу.

Убедившись, что я не собираюсь возвращать ему диск, Пельмень стал громко возмущаться, но, видя, что это не действует, придумал иной вид мести. Он подошел к «охоте на мамонтов», выставил ее на полную громкость и, выпустив из иллюзографа трех мамонтов и пещерного медведя, стал с ними сражаться игровым пластмассовым топориком. Охотился Пельмень крайне бестолково, а я от досады, что не могу принять участие в охоте, метался вдоль

черты. В конце концов Пельменю все же удалось взять верх, но только потому, что он с самого начала, смухлевав, поставил себе в настройках игры «бесконечную» жизнь.

На втором уровне Пельмень выбрал трех саблезубых тигров и вышел против них с одним джойстиком в руке. Это было уже явным издевательством над всяким правдоподобием, потому что, окажись Пельмень в настоящем каменном веке, хватило бы самого хилого тигра и одного вида бивней мамонта, чтобы мой братец уже улепетывал со всех ног.

В этот момент включился звуковой динамик, и мы услышали голос Лелика:

– Кхе-кхе... Не сочтите меня назойливым, может, кое-кто кое-что и забыл, но кое-кому сейчас дежурить в навигаторской!

Я засмеялся, считая, что сейчас дежурство Пельменя, но он тоже засмеялся, и по этому противненькому смеху я вспомнил, что его очередь была вчера, а сегодня моя. Поразмыслив, я пришел к выводу, что дежурство – это даже хорошо. Во всяком случае, можно будет не делать уроки, сославшись на то, что я устал, пока дежурил.

Когда я выходил из отсека, Пельмень продолжал хохотать надо мной, не замечая, что к нему, готовясь для прыжка, ползут саблезубые тигры. Вблизи их голограммы выглядели натурально, от них даже пахло по-особенному – большими хищниками, не брезгавшими падалью.

– Тебе бы только позлорадствовать! Мелкий ты человечиска! – презрительно бросил я ему на прощание.

Люк уже закрывался, когда я услышал тигриное рычание и дикий вопль. Очевидно, Пельмень на время забыл про игру и нападение тигров застало его врасплох.

Я довольно хмыкнул и с отличным настроением отправился в навигаторскую.

2

В навигаторской я внимательно осмотрел кресло и даже ощупал его. В прошлое мое дежурство Дискетка настоящее кресло отодвинула в угол, а на его место поставила иллюзорное, настолько похожее на настоящее, что я догадался о подмене, лишь оказавшись на полу.

Но на этот раз все было как будто в порядке – во всяком случае, кресло было вполне материальным. Я опустился в него и, подняв внутренние шторы, включил полное затемнение.

Управление звездолетом – это прямая обязанность главного компьютера, с которой он успешно справляется, дежурному же остается лишь подстраховать Лелика на случай сбоя или отказа одного из его блоков. Вероятность такой неисправности – один к десяти миллионам, так что все дежурство я надеялся совершенно спокойно любоваться созвездиями сквозь прозрачные стены отсека.

Если бы вы только знали, как прекрасны созвездия, когда смотришь на них из навигационной рубки! Все освещение в отсеке потушено, горит лишь зеленоватая подсветка приборов и серебрятся обтекаемые поверхности резервных блоков.

Вокруг «Кашалота», похожие на золотой песок, рассыпаны созвездия Млечного Пути: Жертвенник, Центавр, Южный Крест – три ярких звезды первой величины, а немного выше – Фальшивый Крест, образованный звездами, принадлежащими разным созвездиям – Парус и Киль.

Мой взгляд привычно скользит по созвездиям. За свою жизнь я видел их столько раз, что мне не нужно задумываться, чтобы определить, где Чайник, Хвост Змеи, Орел, Лира, Центавр и Волк, а где Возничий, Близнецы, Корма и Большой Пес.

Еще севернее между Орлом и Лебедем находится очень маленькое созвездие Стрела и чуть более крупное созвездие Лисичка. Восточнее расположена довольно заметная небольшая группа звезд созвездия Дельфин.

Я перевожу взгляд на «туловище» Скорпиона с красным Антаресом и цепочкой ярких звезд «хвоста», вонзенного в Млечный Путь, и мне не верится, что наш корабль летит со скоростью, почти равной световой. В глубине души я уверен, что приборы обманывают и на самом деле мы стоим на одном месте. Разве может такое быть, чтобы мы летели, а звезды оставались бы все такими же маленькими, далекими и недоступными?

В такие минуты мне невольно приходят на ум страшные мысли, что, быть может, всю мою жизнь мне придется провести в замкнутом пространстве «Кашалота». Мне будет уже почти шестнадцать, когда мы наконец доберемся до созвездия Щит со скоплением звезд Дикий Герцог и исследуем все планеты Веника.

Если хоть одна из планет подойдет для жизни, мы дадим на Землю лазерограмму, извещая об этом, а сами останемся на огромной планете, где наверняка будет намного интереснее, чем в тесном брюхе нашего «Кашалота». Если же планеты непригодны для жизни, тогда нам придется возвращаться на Землю за новым заданием, а это означает провести в космосе еще восемнадцать лет. Но об этом я предпочитал не думать...

Я мирно любовался звездами, забыв, что дежурю, как вдруг внезапно сработал сигнал тревоги, и я подскочил на кресле, как ужаленный.

– Что? Где? – воскликнул я.

– Не «что» и не «где», а справа по курсу в ста миллионах километров от «Кашалота» локаторы обнаружили неизвестный астероид. Если мы не изменим курс, возможно столкновение, – ворчливо сообщил Лелик.

Это известие заставило меня встряхнуться. Прощай, дрема!

– Чего ты меня грузишь? Оповести капитана! – приказал я.

Нашим капитаном считается папа Морж. Изредка он любит поважничать и даже надевает капитанскую фуражку, хотя ни в чем больше его власть не выражается. Еще бы, ведь командовать членами семьи совсем не так просто, как посторонними.

– Думаешь, я без тебя не догадаюсь? Капитан уже давно оповещен! – фыркнул Лелик.

– Тогда зачем ты ко мне прицепился? И сирену незачем было включать! – рассердился я.

– Должны же и у меня быть маленькие радости? Видел бы ты, с каким глупым видом ты вскочил и заорал: «Что? Где?», – заявил Лелик, и я еще раз выругал конструкторов, заложивших в компьютер искусственную личность, обладающую кучей недостатков.

Постепенно в навигаторской собралась вся наша семья. Заметив в отполированной панели компьютера, что появился Пельмень, я наклонился над микрофоном Лелика и, делая вид, что отдаю приказы, стал громко произносить совершенную чушь:

– Изменить тангенс курса в соответствии с синусом тупого угла! Совместить рули с векторными координатами в двойной прогрессии! Просчитать возможное отклонение по формуле Шпунцера – Грюнера! Увеличить накал реактора на семь целых и две десятые градуса!

Пельмень, соображавший в управлении «Кашалотом» еще меньше, чем я, смотрел на меня, вытаращив глаза.

– Ты что, спятил? Что за ахиною ты несешь? – шепнул мне Лелик. Вслух же, поддерживая мою игру, компьютер громко произнес: – Слушаюсь, командир! Все будет сделано! Про формулу Шпунцера – Грюнера я бы сам не догадался... потому что ее не существует, – добавил он снова шепотом.

Грохоча по покрытию пола громадными ступнями, в рубку ввалилась Репка. В своих ручищах она держала вязанье и, быстро работая спицами, вязала гигантский носок по меньшей мере девяносто пятого размера. Вязание было ее страстью, хотя и лишенной всякого практического смысла, потому что в ракете поддерживалась постоянная температура, вдобавок носки такого размера смог бы носить лишь великан.

Увидев в руках у боевого робота носок, Пельмень было заржал, но Репке стоило лишь повернуть в его сторону свою грозную голову с мерцавшими красными объективами, чтобы он сразу заткнулся.

– Чего ты хохочешь? – спросила Репка.

– Я-то? – замялся Пельмень. – Э-э... Я тут вспомнил один дурацкий анекдот...

– Какой анекдот? – спросила Репка.

– Неважно, я его уже снова забыл, – сказал Пельмень.

Последним в отсеке появился папа Морж. Как я и ожидал, по такому важному случаю он нацепил капитанскую фуражку с козырьком и серебряной эмблемой космического флота России.

– Ну, что тут у вас стряслось? – спросил Морж.

– Не «у вас», а у нас у всех! Прямо по курсу астероид. До сближения с ним осталось чуть больше двух часов. Так что если у нашего уважаемого капитана есть какие-нибудь мысли, то теперь пришла пора ими поделиться, – сказала Репка.

Упрямая нянька отчего-то недолюбливала папу, относясь к нему примерно так, как теща относится к зятю, и любила при случае поставить его на место.

Морж хотел одернуть робота и даже повернулся к Репке, но, вспомнив, что она теперь ходячий военный арсенал, осекся.

– Хм... Да... Вот так штука! Действительно, нужно принимать решение... Слушай, Лелик, а нам нельзя куда-нибудь свернуть? – растерянно спросил он.

– Ха! Ха и еще раз ха! И это называется капитан! – как бы про себя сказала Репка и вдвое быстрее заработала спицами.

– А что представляет собой этот астероид? – выручая Моржа, спросил я у Лелика.

– Вообще-то он больше похож на планету, покрытую толстым слоем льда. Внутри подо льдом, очевидно, твердая поверхность со вкраплениями гранита. Протяженность планеты по экватору примерно тридцать тысяч километров, – сообщил Лелик.

– Ого, как здоово! Плосто как Земля! – воскликнула Дискетка, вертевшаяся под ногами у взрослых.

– Чуть меньше Земли. У Земли экватор сорок две тысячи километров! – снисходительно заявил Пельмень, выдав это с таким важным видом, будто он сам ползал на четвереньках вокруг Земли, измеряя ее линейкой.

Компьютер вывел на главный монитор увеличенное в несколько сотен раз изображение планеты. В наших дальних телескопах она выглядела как льдина с неровной потрескавшейся поверхностью со множеством горных хребтов. Первое, что бросалось в глаза и врезалось в память, – небывалая, ослепляющая белизна астероида.

– Давайте осмотрим его! Все равно он по пути, и это не займет у нас много времени, – внезапно вдохновленный этой идеей, предложил я.

– Как бы не так. Мы потеряем недели две: они уйдут на последующий разгон, – заупрямился было Морж, но в его голосе не чувствовалось уверенности.

За долгие годы безвылазного нахождения на звездолете он и сам засиделся и устал от бездействия. Только тренажеры помогали ему сохранить форму.

– Пап, ну пожалуйста! Неужели тебе самому не хочется хотя бы на несколько часов покинуть «Кашалот»? Когда еще представится такая возможность! К тому же мы сможем осмотреть астероид и составить его карту! – неожиданно поддержал меня Пельмень.

Впервые в жизни я почувствовал к Пельменю какое-то подобие братской нежности, мне даже захотелось хлопнуть его по плечу, и только страх, что он станет издеваться, остановил меня. Упомянув о карте, мой хитрый брат намеренно задел одну из слабых струн Моржа: кроме игры в шахматы, наш папочка обожал составлять всяческие графики, атласы и карты.

– Составить карту... Гм! В этом что-то есть... – засомневался Морж.

– Мы сможем дать планете наши имена. Представь себе, например, Моржовую Долину! – сказал я, продолжая ковать железо, пока горячо.

– Или Равнину Великих Моржей... – льстиво добавил Пельмень.

По тому, как папа вдруг хмыкнул и дернул себя за ус, я понял, что он жадно глотает нашу лесть и, следовательно, лед тронулся. Теперь оставалось лишь убедить остальных.

– Ладно, так и быть, я – за. Я считаю, что детям необходимо немного попутешествовать и расширить таким образом свой... кхм... кругозор! Надеюсь, все со мной согласны? – важно сказал Морж, поправляя на голове капитанскую фуражку.

Мы с Пельменем понимающе переглянулись. Ишь ты, как хитро он все повернул, будто дело действительно в нашем кругозоре, а карты здесь и рядом не валялись.

– Я за! – прогрохотал Коробок. Он, как робот-исследователь, разумеется, не мог быть против.

– Я тоже за! Обеими руками! – запрыгала на месте Дискетка, хотя ее мнением, увы, никто не интересовался.

– А вот я – против! Не хочу, чтобы мои дети провалились в какую-нибудь пропасть или трещину! – опасливо сказала Яичница.

– А ты, Лелик, что думаешь? – рассеянно спросил Морж.

– Я воздерживаюсь! – заявил компьютер.

– Почему воздерживаешься? – удивились мы.

– Я дипломатичный и никого не хочу обижать! И потом, воздерживаться всегда выгоднее. Если окажется, что высаживаться на астероиде было нужно, я скажу, что внутренне был за, а если, высаживаясь, мы совершим ошибку, тогда я скажу, что в глубине души я всегда был против!

Теперь уже все высказали свое мнение, кроме Репки. Она, казалось, вообще не слышала нашего спора. Она выдвинула из плечей оба энергометателя и преспокойно наматывала на них спутавшуюся шерсть. Возможно, на других кораблях мнением роботов и пренебрегали, но у нас к нему прислушивались.

Наконец наступил момент, когда все повернулись к ней, ожидая, что она скажет.

– Ладно, так и быть, я тоже за. Но при условии, что дети не отойдут от меня ни на шаг! – выдержав вескую паузу, произнесла наконец Репка.

3

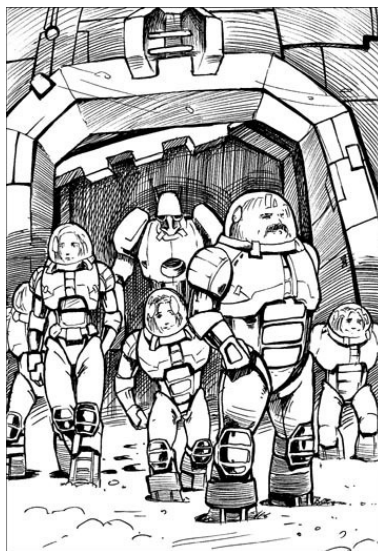
Пш-ш! Раскаленный нос «Кашалота» вонзился в снег и, провалившись в него на несколько метров, остановился. Сила столкновения бросила нас всех вперед, и если бы не антигравитационные кресла, к которым мы были пристегнуты, нас сплющило бы в лепешку. А теперь все было нормально, если не считать, что все мы висели в креслах вниз головой.

– Слегка не рассчитали! Ладно, могло быть и хуже! – пробормотал Морж, пытаясь выпутаться из ремней и встать на потолок, который теперь стал полом.

Лелик сделал необходимые анализы и сообщил, что температура снаружи минус восемнадцать, а вредные газы, испарения и опасные химические соединения им не выявлены.

– Во всяком случае, на первый взгляд! – добавил он со своей обычной осторожностью.

Надев скафандры, мы поочередно открыли оба шлюзовых люка и выбрались из звездолета, оказавшись глубоко зарытыми под снегом. Нам пришлось немало потрудиться, прежде чем мы смогли откопаться сами и откопать глубоко провалившийся «Кашалот». Мы стояли на широкой ледовой равнине, раскинувшейся между снежных хребтов. Атмосфера у астероида была, но довольно разреженная, и мы почти ее не замечали.

Главное неудобство передвижения по астероиду состояло в том, что мы то и дело проваливались под снег, который лишь сверху покрывала тонкая ледяная корочка. Наконец Коробок вспомнил, что видел в мастерской снегоступы, но Морж, которому не терпелось поскорее сделать карту астероида, от снегоступов отказался и выкатил из шлюза гравинант. Гравинант – для тех, кто не знает, – это плоская магнитная платформа с несложным управлением, которая позволяет быстро лететь над поверхностью планеты. Когда-то Репка от нечего делать обвязала наш гравинант бахромой, намеренно усилив его сходство с ковром-самолетом.

Сев на гравинант, Морж поджал под себя ноги и умчался куда-то, окутанный снежным облаком. Мы же надели снегоступы и пошли на своих двоих. Наша процессия вытянулась в цепочку. Впереди всех ехал Коробок, несмотря на немалый вес, не проваливавшийся благодаря большой площади своих гусениц; за ним шли Яичница, потом я с Пельменем и Дискетка, и замыкала шествие Репка. На всякий случай, хотя на нас никто и не думал нападать, Репка выдвинула из корпуса все свое вооружение.

Ледовая планета выглядела необитаемой. Сила тяжести на ней равнялась всего 0,5 G – то есть половине того, что было у нас на «Кашалоте», поэтому мы ощущали непривычную легкость. Казалось, если подпрыгнешь, то унесешься вверх на несколько метров.

Плохо только, что в снегоступах передвигаться по астероиду было непривычно. Местами снег был необыкновенно пористым и невесомым, а местами смерзся в плотные ледовые глыбы. Ступать по таким глыбам было более надежно, хотя и довольно скользко. Прямо над горными кряжами нависло звездное небо с россыпью Млечного Пути. Где-то неподалеку, должно быть, не больше чем в нескольких сотнях тысяч километров отсюда, пролетал небольшой метеоритный поток, который из-за своей близости казался горсткой падающих звезд.

– Загадывайте желания! На всех хватит! – весело сказал Коробок.

Я так засмотрелся на метеоритный поток и на дальние ледяные горы, что не заметил брошенного Пельменем снежка, который врезался мне в стекло скафандра.

– Ты стоял с таким очумелым видом, что я не удержался, – заявил Пельмень.

– Ну ты сам напросился! – крикнул я и, протерев стекло скафандра, забросал Пельменя градом снежков.

Дискетка приняла мою сторону и с криком: «Блат, мутузъ зе его!» – повисла на шее у Пельменя, мешая ему бросать снежки. Вдвоем с Дискеткой мы опрокинули этого «переходняка» в сугроб и закатали его в большой снежный ком так, что он не мог даже пошевелиться.

– Вот так-то! Как снеговик ты гораздо симпатичнее! – заверил я его.

В этот момент над нами завис гравинант, на котором подпрыгивал от возбуждения папа Морж.

– Смотрите сюда! Я хочу вам кое-что показать! – закричал он, отважно спрыгивая с платформы на снег.

Разбаловавшись на надежном гравинанте, Морж не знал еще о снеге того, что мы познали на своем горьком опыте. Он угодил на особенно непрочный участок и с воплем провалился вниз метра на два. Пришлось спускать в провал веревку, чтобы вытащить его на поверхность.

– Ну как карта? Составил? – насмешливо поинтересовалась Яичница.

– Пока только черновик! – Просияв, Морж протянул нам плоский кристаллический экран. На экране была заснятая с воздуха карта астероида с наспех проставленными названиями. – Я их сам придумал. Так, взял первое, что пришло в голову, – скромно сказал он.

Через мамино плечо я взглянул на карту. Разумеется, я успел запомнить далеко не все, но и того, что я увидел, было достаточно. На карте были и горная гряда Моржа, и море Моржа, и Моржовый пик, и даже Папина долина. Впрочем, говоря по справедливости, увековечен там был не один Морж. Маминим именем был назван кратер вулкана, а именами Пельменя и Коробка – многокилометровые снежные кряжи. Мне же перепал довольно симпатичный вытянутый остров посреди ледового океана. Остров Митрофана! Правда, звучит неплохо?

– А моим именем что-нибудь названо? – скромно поинтересовалась Репка.

– Разумеется. Разве я мог забыть няньку моих детишек? – Папа Морж язвительно ткнул пальцем в самый дальний угол карты, где самыми мелкими буквами было написано: «Маленькая сопочка им. Репки».

Репка досадливо лязгнула. Ей было смертельно обидно, что для нее не нашлось ничего лучше, чем «маленькая сопочка».

– Это несправедливо! – решительно заявил Коробок. – Если так, то я отдаю ей свой кряж. Хотя вообще-то у меня есть идея получше. У самого астероида ведь еще нет названия? Почему бы нам не назвать его в таком случае астероидом Репки, или еще лучше просто Репкой?

Папа только крикнул, вероятно, раздосадованный, что сам до этого не додумался, хотя это было так очевидно. Он уже предчувствовал, что у нашей бронированной няньки появится в космосе тезка, и эта мысль его не вдохновляла.

4

Едва мы вернулись на «Кашалот», как Лелик поспешил выложить нам последние новости.

– Я запустил локационный спутник и только что получил с него данные. Они очень странные. В северной части астероида на глубине около двадцати метров в лед вмерзло неопознанное неоднородное тело, содержащее в своей структуре металлы, – взволнованно сказал он.

– Ну и что? – легкомысленно сказала Яичница. – Скорее всего, это обломок скалы или застывшая еще до обледенения лава.

– Это не лава и не обломок скалы! Слишком сложный состав. К тому же других металлов на планете нет, а это означает, что обнаруженное тело родом не отсюда, – упрямо заявил компьютер.

– Тогда это метеорит! Мало ли в космосе болтается метеоритов? Вечно они падают куда попало, – хмыкнул Пельмень.

– Как бы не так! А на это не хотите посмотреть? – заявил Лелик.

И он вывел на монитор результаты сканирования обнаруженного подо льдом объекта. По форме тот представлял собой две идеальные соприкасавшиеся окружности, на каждой из которых имелось по два узких нароста.

– Странный метеоритик. Может, назовем его «метеорит имени Моржа»? – насмешливо предложила Яичница.

Папа Морж, не уловивший иронии, довольно заулыбался.

– Разве у метеоритов бывает такая правильная форма? А если... если это космический корабль пришельцев? – услышал вдруг я свой голос.

Вопреки моему ожиданию никто не расхохотался. В отсеке повисла полнейшая тишина, среди которой громко разнеслось восхищенное «ух ты!» Дискетки. Мое предположение было очевидно, и в то же время оно было так невероятно, что в первую минуту мы все оцепенели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.